

— Данила, насколько, по-Вашему, творчество Геннадия Лукомникова вписывается в русла основных поэтических течений XX века? Можно ли его осмыслить в рамках какого-то направления, хотя бы ассоциативно, или он (учитывая тотальную оторванность от литературной среды в реальной жизни) стоит особняком?

— Мне представляется, что даже в случае самого изолированного наивного автора, к примеру, говорить о полной внеконтекстности невозможно. Всё равно определённые осколки или фрагменты контекстов будут им сознательно, полусознательно или несознательно учтены. Тем более мы говорим о человеке хоть и изолированном литературно, но явственно имеющем собственно художественные интенции. Иное дело, Лукомников-старший, конечно, должен быть отнесён к авторам своего рода «дикого» андеграунда, который приходится разыскивать буквально по крупицам.

— Можно ли считать Геннадия Лукомникова представителем наивной поэзии, учитывая то обстоятельство, что биография не сохранила его собственных оценок своего творчества? Если да, то какие художественные приёмы говорят нам о том, что это наивная поэзия?

— Я не думаю, что это в узком смысле наивная поэзия. Но и не рафинированный сознательный примитив. Это некое промежуточное явление, то, которое искусствоведы называют «культурный наив». С одной стороны, перед нами явственные стилистические маркеры непрофессионализма (от спонтанно

неточной рифмы и невыдержанного размера, или от непонимания собственно стихового смысла понятия «сонет», который у Лукомникова предстаёт просто рядом катренов — не могу заподозрить здесь сознательной игры, — до пафоса, максимально сближающего лирический субъект, подчас воспринимаемый как автопародийный, но им не являющийся, с некой затекстовой личностью автора). С другой стороны, перед нами всё-таки часто работа с очень разными стилями, вполне последовательная: от радикального авангардного графического стиха до безыскусной прозрачной лирики в духе деревенщиков, а такого рода частота стиля в общем и целом противоречит примитиву (хотя бывают исключения).

— Любимым поэтом Геннадия Лукомникова, по словам его сына Германа, был Маяковский. Мы определённо ощущаем его влияние (гротеск, вселенскость, космичность взгляда, яркие эпатажные метафоры, неологизмы, иногда даже более неожиданное и непосредственное, чем у классика, расшатывание морфологических и грамматических форм). Как в этом контексте проявляется новизна творчества Лукомникова?

— Маяковский — вне ориентации на более экзотические явления исторического авангарда — предстаёт здесь очищенным от политико-идеологического уровня восприятия текста — что сейчас вполне возможно (хотя неисторично и, собственно, опровергается многими примерами новой поэтической политизации), но в те времена, особенно учитывая изолированность Геннадия Лукомникова от поэтического круга неподцензурной словесности, выглядит нетривиально (хотя вспоминается рассуждение Льва Лосева, который в эссе «Тулупы мы» говорит о важности знакомства его поколения с историческим авангардом именно благодаря легитимированному советской идеологией Маяковскому; а ведь речь идёт о вполне рафинированном круге ленинградской «филологической школы»).

— Заметно ли вообще в его стихах влияние футуристической поэтики — и если да, с чем мы имеем дело, на Ваш взгляд, — культурным эхом или сознательной ориентацией на определённую традицию? Можно ли говорить о неконформизме в отстраивании от мейнстримной культуры?

— Неконформизм здесь присутствует безусловно. Я не готов говорить о конкретном влиянии исторических футуристов

(кроме Маяковского и, может быть, не ручаюсь, разрешённых Асеева и футуристического последыша Кирсанова), но само обращение к графическому стиху, или зауми, или раёшнику, или метрической прозе, или абсурдистской парадрамматургии, конечно, задаёт гораздо более широкий контекст, нежели широко доступные в то время источники. В то же время нельзя отметить и вероятное влияние легальных шестидесятников, эпигонов футуризма (Вознесенского в первую очередь, но и Евтушенко, и Рождественского), которые не могли не быть на слуху.

— Следы каких поэтов заметны ещё в творчестве Геннадия Лукомникова? Перевоплощены ли их интонационные или иные влияния и, если да, каким образом это достигается?

— Маяковский это понятно. Возможно, Виктор Соснора? Соблазнительно было бы назвать хеленуктов, поэтов Малой Садовой, участников группы Черткова — каких Лукомников-старший безусловно не знал. Есть основание думать, что могли повлиять прогрессивные западные поэты в русских переводах, — Гийом Аполлинер, Жак Превьер, Пабло Неруда, Юлиан Тувим, Витезслав Незвал... Через такие источники, кстати, во многом создавались немаловажные предпосылки для неоавангарда. Что-то могло проникать и через театральную среду, с которой Геннадий Лукомников был связан: авангардные традиции в театре хранились под спудом, но, как ни странно, были теснее связаны с широким культурным социумом, нежели в литературе.

— «Анимбра / воткус / флоринт / гребус...» — интересное стихотворение, где заумь смешана со смысловой поэзией. Здесь возникает ощущение, что автор совершает эксперимент. Можно ли обнаружить в стихах Геннадия Лукомникова осознанный эксперимент либо всё это обусловлено случайным полётом фантазии?

— Это не единственный пример. Герман Лукомников подробно рассмотрел в чём-то близкий случай в своих комментариях к подготовленному им тому Юрия Смирнова — поэта, существовавшего одновременно в подцензурном и неподцензурном пространствах; но Смирнов всё-таки был поэтом, осознающим себя профессионалом, а Лукомников-старший — скорее поэтом, «призванным» на это место. Осознанность и неосознанность — понятия интерпретационно смутные; как нам провести грань между

глоссолалическим озарением и шукарской холодной работой, не зная всех обстоятельств? Я бы предполагал, что всё-таки здесь речь идёт об озарениях, которые фиксировались в духе «а почему бы и нет». Эпоха в принципе подразумевала некоторый элемент возможного безумия и даже не вполне чётко обозначала границы допустимого и недопустимого в этом смысле, поэтому за первичным импульсом вполне могло идти осознание приёма, первичный импульс, однако, был для него первичным в самом прямом смысле слова.

— **Какую роль выполняют отсылки к хрестоматийным произведениям классики («И скучно, и грустно, и нету в Америки виз...») в его стихах?**

— Роль цитаты в тексте столь многообразна, что ей посвящены тысячи работ и будут посвящены ещё тысячи. Приведённый вами пример заставляет вспомнить пародию Николая Некрасова: «И скучно, и грустно, и некого в карты надуть...» и вполне вписывается в пародийно-сатирическую линию, от того же Некрасова и поэтов-«искровцев» (Минаева, Курочкина) к «сатириконовцам» и далее со всеми остановками. Может быть контекстная цитата, вводящая в своего рода метрико-семантический ореол (по Тарановскому и Михаилу Гаспарову). Может — чистое острашение, превращение чужого текста в отчуждённый объект. Может и просто необходимость указания на высокую преемственность. Кажется, в той или иной степени у Геннадия Лукомникова встречаются образцы всех этих стратегий.

— **Мы знаем, что помимо сочинения стихов Геннадий Лукомников любил мастерить, делал поделки, рисовал, иногда выпускал стихотворную и художественную продукцию «в одном флаконе». А если мы вспомним историю с разбрасыванием разменной на монеты пенсии в фонтане¹, то его вообще можно назвать художником-акционистом, правда, особым, совершающим «очищенный» акт искусства, не думающим о публике, фиксации и выгоде. Вероятно, в данном случае нужно говорить не только о поэзии, но и о жизнетворчестве?**

— Да, конечно. В этом смысле мне вспоминаются самые различные фигуры схожего толка — от дадаистов до гораз-

¹ Лукомников Герман. «Для меня в папином творчестве важно ощущение, что всё можно найти в себе самом...» // Textura. 20.10.2018. URL: <http://textura.club/german-lukomnikov-intervyu/>

до более поздних уральских жизнетворцев Сандро Мокши и Б. У. Кашкина... Жизнетворчество и акционизм всё-таки не две стороны одной медали, а тоже вполне неразрывный ряд с множеством промежуточных звеньев, как и в случае примитива и примитивизма; уверен, что можно говорить о наивном акционизме как о феномене, — и в случае Геннадия Лукомникова это было бы справедливо.